

Мы неизвестны, но нас узнают;
нас почитают умершими, но
вот, мы живы...

*Библия,
Второе послание к Коринфянам, 6, 9*

Мститель за кровь сам может
умертвить убийцу, лишь только
встретит его...

Библия, Второзаконие, 35, 19

*Все события, описанные в этой
книге, исторически достоверны, и
либо произошли на самом деле, либо
вполне могли произойти.*

Автор

ПРОЛОГ

— Не так «буки» выводишь!

Строгий монах в черном клобуке¹ и длинной рясе того же цвета, перехваченной в поясе простой веревкой, склонился над сидящим за столом отроком. Правая рука двинулась было взять у послушника перо и поправить — но тут же отдернулась назад, спрятавшись в рукав рясы. Монах, смутившись, отвернулся. Трудно привыкнуть даже к другим сапогам, если выбросил изношенные старые, прослужившие долгое время. Лишившись правой кисти, к крашеному деревянному подобию

¹ *Клобук* — принадлежность облачения монаха малой схимы, головной убор в виде расширяющегося сверху цилиндра с тремя широкими лентами, спускающимися на спину.

руки, сложенной в двуперстие, привыкнуть не в пример тяжелее, даже если и произошло это с десяток лет назад. Иной раз нет-нет — и забудешь об увечье. А обратно вспоминать ох как тяжко...

— Что ж теперь делать, отец Даниил?! — чуть не плача спросил послушник. — Загублена харатья¹?

Монах справился с собой и, повернувшись к столу, проговорил:

— Ладно, не кручинься, подправим. Ты, главное, не торопись. Буковицы — они терпения требуют.

Отрок с облегчением кивнул, украдкой утер ладошкой все-таки выбежавшую слезинку, тщательно очистил перо и, макнув его в глиняную чернильницу, приготовился писать дальше.

Монах снова стал размеренно диктовать. Его глубокий, сильный голос перекатывался под высокими сводами кельи, наполняя текст молитвенным величием:

— Батый, разорив град Владимир, пленил города Суздальские и пришел ко граду Козельску, в котором был князь молодой по имени Василий. Проведали нечестивые, что крепок дух горожан и словами лживыми не взять им града. Жители Козельска, собрав совет, порешили не сдаваться Батью, сказав: «Хоть наш князь и молод, но положим жизни свои за него и, здесь славу сего мира приняв, там небесные венцы от Бога примем»².

Послушник поднял голову.

— Отец Даниил, — перебил он. — А про Митяя писать будем? Мне наш ордынец, тот, что крещение принял и сейчас на конюшне работает, сказывал, что Ми-

¹ *Харатья* — пергамент (старорусск.).

² Здесь и далее авторский перевод со старославянского. Ипатьевская летопись, Галицко-Волынский свод, «Побише Батыево».

тяй самым первым за град Козельск бился отменно и большого ихнего богатыря свалил.

— Не будем, — грустно покачал головой монах. — Хараты мало, главное бы донести.

— А разве это не главное?

Ладонь левой руки монаха опустилась на плечо отрока.

— О *главном* мы с тобой расскажем. А остальное пусть потомки далее передадут. Господь их наставит, я знаю...

Конь шел, осторожно переставляя ноги, стараясь не поскользнуться в жидкой грязи. Копыта по бабки утопали в месиве, которое еще утром было дорогой. За ночь легкий морозец прихватил землю, но лучи утреннего солнца свели на нет последние усилия уходящей зимы.

Коню очень не хотелось тревожить хозяина, расслабленно покачивающегося у него на спине в седле с удобными высокими луками, позволяющими всаднику не только метать стрелы, бросив поводья, но и спать на ходу.

У хозяина были твердые пятки и плеть, сплетенная из тонких ремешков. Бывало, что хозяин пристегивал к концу плети железный шипастый шар и, со свистом рассекая воздух, ловко разил тем шаром многочисленных врагов. В остальное время, когда врагов не было, плеть без шара предназначалась для коня на случай, если тот вдруг ослушается. А коленями хозяин так умел сдавливать ребра скакуна, что еще неизвестно, что хуже — плеть или эти колени, обтянутые прочной кожей штанов, сработанных из жеребьячей шкуры.

Конь боялся хозяина. Но в то же время ему очень хотелось есть. Он был молод, его кровь быстро бежала по жилам, и для того, чтобы ее ток оставался таким же быстрым, требовалось много еды. Однако в последнее время с кормежкой было неважно. Зима выдалась лютой, и ох как непросто было выковыривать копытами из-под толщи снега жухлую прошлогоднюю траву.

Но в воздухе уже явственно пахло весной. Чуткие ноздри коня уловили тоненькую струйку запаха, который снился коню всю долгую зиму.

Слева от дороги каким-то чудом пробились сквозь подтаявшую толщу промерзшей грязи несколько робких травинок, вытолкнув вверх белую каплю подснежника.

Конь забыл обо всем, сошел с дороги, потянулся, прихватил губами долгожданное лакомство — и, поскользнувшись, чуть не уронил седока в черно-коричневую жижу.

Тело всадника среагировало раньше, чем он проснулся. Колени сжали бока коня, а торс резко наклонился вправо, создавая противовес. Одновременно всадник ослабил повод заводной¹ кобылы.

Конь обрел равновесие, напрягся — и выпрыгнул на дорогу, фыркая и взбрыкивая ногами. Мигом налипшие на копыта тяжелые комья грязи полетели во все стороны.

Тэхэ зашипел и вытянул коня плетью по крупу. Конь взвился было, но, получив второй удар, присмирел и пошел вперед, понуро повесив гривастую голову.

«Проклятая кляча! — с ненавистью подумал Тэхэ, пряча боевую плетть в специальный чехол, притороченный к седлу. — Урусусы² еще заплатят мне за моего коня!»

Конь под сотником Тэхэ не был клячей. Напротив, это был один из лучших коней личного табуна хана Бату³, специально отловленный для родственника Великого хана после того, как до хана донесли, что конь племянника был убит под ним при штурме города Торжка. Просто дареный конь был молод и его еще многому надо было учить.

¹ *Заводной* — второй, запасной конь. Степные воины всегда имели несколько коней для того, чтобы животные имели возможность отдохнуть от тяжести всадника. Имеются сведения, что ордынцы иногда имели до восьми заводных лошадей и во время атак сажали на них соломенные чучела, подкрепляя легенды об огромной численности их непобедимой армии, которая действительно была самой мощной военной силой того времени.

² *Урусусы* — так ордынцы называли русских.

³ *Хан Бату* — хан Батый (1208—1255), ордынский хан, внук Чингисхана, предводитель степной Орды в завоевательных походах в Восточную Европу.

Да и, признаться, Тэхэ рассчитывал на гораздо большее, чем даже самый наилучший конь в Орде¹.

Например, что хан приблизит его к себе, и знатному чингизиду² Тэхэ больше не придется таскаться по землям урусов, возглавляя передовую разведывательную сотню тумена³ Непобедимого Субэдэ⁴. Должность, конечно,

¹ По мнению современных историков, понятие «монголо-татары» в корне неверно. Введено оно было в 1823 году профессором Санкт-Петербургского университета П. Наумовым и до недавнего времени использовалось в русской историографии. «Татарами» называли ордынцев в русских летописях, относя этот термин ко всем тюркским народам. Оно и понятно — не до выяснения этноса завоевателей было летописцам, когда ихние города жгли у них на глазах. Но еще Н.М. Карамзин отмечал: «Ни один из нынешних народов татарских не именуется татарами, но каждый называется особенным именем земли своей...» Более того, судя по тексту «Сокровенного сказания», жизнеописания Чингисхана, составленного его современниками, татары были заклятыми врагами Орды. (Сокровенное сказание, § 214: «...когда мы сокрушили ненавистных врагов татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира...») Так что «монголо-татары» в этническом смысле — это не современные монголы и не татары, а именно Орда завоевателей, состоящая из многих степных племен, объединенных волей одного человека — Чингисхана. Поэтому понятие «монголо-татары» с полным правом можно заменить определением, данным крупнейшим историком и ученым Средневековья Рашид-ад-дином (1247—1318) в его «Сборнике летописей»: «Тюркские племена, прозвание которых было монголы». Само же слово «орда» в переводе есть не что иное, как название военной организации многих кочевых племен, создаваемой для набега либо для обороны. В этих случаях помимо верховного хана выбирался походный хан Орды — *джехангир*. Для покорения пространств к северу от Каспийского и Черного морей джехангиром был выбран Бату-хан (Батый).

² *Чингизид* — родственник Чингисхана (*тюркск.*).

³ *Тумен* — десять тысяч воинов (*тюркск.*).

⁴ *Субэдэ (Субудай)* — крупный военачальник Чингисхана и Бату-хана, историческая личность. Непобедимый — прозвище Субэдэ.

почетная, но на этой должности как нигде имелась прямая возможность как прославить свое имя, так и потерять его вместе с жизнью.

Или, на худой конец, уж мог бы Великий хан выделить под руку племянника тумен. Ну, хоть не тумен, хоть тысячу всадников. А то ж позор — чингизид — и всего-навсего сотник! Это пусть для простых нукеров¹ бронзовая пайцца² сотника на поясе Тэхэ — предмет черной зависти. Для Тэхэ такая пайцца чуть ли не оскорбление.

Тэхэ с ненавистью пнул пяткой подарок хана. Подарок обиженно всхрапнул и пошел чуть быстрее. Седоусый нукер, ехавший справа от Тэхэ на пегой кобыле на полкорпуса сзади коня начальника, осуждающе качнул головой. Нельзя степному воину обижать своего коня. Конь и воин — одно целое, части одного организма, бесполезные друг без друга, как бесполезны рука или нога, отрубленные от тела. Коня можно учить, можно наказывать, обучая. Но обижать — никогда! Кони, как и люди, могут долго помнить обиду. Пока не отомстят...

Тэхэ потянул носом и скосил взгляд направо.

Так и есть.

Старый пень давно уже учуял запах дыма, но делает вид, что его это не касается. Вон, почти не глядя, ткнул копьём в едва заметную норку, ловко выдернул оттуда трепыхающегося, жалобно верещащего суслика, молниеносным движением извлек нож из чехла, отмахнул зверьку голову, выпустил кишки, стянул шкурку, словно сапог, и засунул освежеванную тушку между седлом

¹ *Нукер* — дружинник, телохранитель при *нойоне* — знатном ордынце. С XIV века термин употребляется в значении «слуга» (*тюркск.*).

² *Пайцца* — деревянная или металлическая прямоугольная пластина длиной около двадцати сантиметров с закругленными краями и письменами, являющаяся своеобразным документом для ордынского высокопоставленного лица (*тюркск.*).

и потником — через десяток стрелищ¹ отбитое и отжатое мясо сжует сырым. И словно бы нет ему дела до аппетитных запахов — мол, опытный воин и так проживет в походе. А также дает возможность командиру отряда отличиться. Сам же никогда вперед не лезет. И при этом, надо признать, всегда прикроет и поддержит, если что. Как и молодой Шонхор, что едет за ним. Преданные псы, свято чтущие законы Великой Ясы² и в битвах не раз прикрывавшие спину своего сотника. Только можно ли им верить? Кто знает, что на уме у верных нукеров? Вполне может быть, что случись чего — и как этот конь, за пучок сладкого корма сбросят своего нойона в грязь и не почешутся. Никому верить нельзя!

Сотник раздул ноздри, отчего его плоское лицо приняло хищное выражение. Так и есть, топится урусская печь в деревянной юрте с труднопроизносимым названием «изба». За время похода Тэхэ научился на изрядном расстоянии по запаху отличать дым костра от дыма печи. Даже то, что в ней готовится, распознавать научился. Особенно это хорошо у него получалось с голодухи. А сейчас все ордынское войско особо не жировало, кроме разве что ханов, больших нойонов и всякой льстивой саранчи, к ним приближенной. Потому Тэхэ ясно различил, поймав широкой ноздрей едва уловимую струйку дыма, — в пока невидимой за пригорком избе готовили вкусное варево с названием, очень похожим на чжурчженьское³ — «щи».

¹ *Стрелище, перестрел* — расстояние, на котором пущенная из лука стрела сохраняла убойную силу, около 200 метров.

² *Великая Яса* — свод законов степных кочевников, авторство которого приписывали Чингисхану.

³ *Чжурчжени* — племена северной Маньчжурии, завоевавшие в XII веке Северный Китай и основавшие империю Цзинь (в переводе с китайского — Золотая Империя), к описываемому времени полностью уничтоженную Ордой.

Привычным движением Тэхэ пристегнул к хвосту плети железный шар, не глядя, едва касаясь, провел ладонью по рукояти сабли и оперению стрел, шевельнул лук в саадаке¹ — легко ли вынимается? — и, коротко взмахнув плетью, посылая отряд вперед, вонзил пятки в бока своего коня.

* * *

Ранняя весна — всегда переполох в крестьянском хозяйстве. За долгую зиму накапливается всякое по мелочи. В колодце разная дрянь обнаруживается не пойми откуда — закрывай его деревянной крышкой, не закрывай, все равно по весне чистить надо.

В конюшне крыша потекла — как снег подтаял, сверху Бурке на загровку закапало. Забор вон покосился, править надо.

Степан решил начать с забора. Оно, конечно, не основное, но работы немного, до полудня можно управиться. А уж после и остальным заняться.

Подправив топор точильным камнем, Степан вышел из дому.

Эх, погодка, любо-дорого! Небо ясное, солнышко светит пока нежаркое, но уже яркое, весеннее, радостью душу наполняет. В огороде с раннего утра жена Дарьюшка в земле копается, коленями на подстеленной рогоже, а душой и руками вся в земле. Хоть и рано пока что-либо высевать, но пусть возится. Огород — бабье дело, может, заранее с землей-матушкой по-женски о чем-то договаривается. Не зря ж городские удивляются, когда Степан овощи со своего огорода на ярмарку возит — и где такое выросло пузатое да румяное? Где-где,

¹ *Саадак* — специальный чехол для лука либо название всего боевого снаряжения стрелка — лука, чехла для лука, колчана и стрел (*тюркск.*).

да у вас же под боком, на огороде у изверга¹ Степана, что пару лет назад решил отдельно от города своим умом жить.

На завалинке лежал кулек из домотканой холстины. Из кулька раздался писк. Правильно Дарьюшка решила сына на свежий воздух вынести. Пусть растет богатырем, а для начала к весенней свежести привыкает. Закаленный воин и в зимнюю стужу не погибнет, и, случись чего, в трескучий мороз живым из полыни выплывет.

Степан подошел к забору, примерился, пристукнул было обушком кол, вытолкнутый кверху размокшей землей, замахнулся для второго удара — и застыл на месте.

Конский топот. Копыта частой дробью с чавканьем падают в грязь. Звук из-за избы. Всадник! К добру или к худу?

Степан сноровисто вертанул в руках топор, слегка присел, приготовился. Долгие годы жизни в Козельске, стоящем на границе Руси и Дикого поля², хочешь не хочешь, приучат каждого горожанина держать в руках оружие. Много с того Поля нечисти на Русь выплеснулось, а та, что нынче по русским землям гуляет — страшнее всех.

Орда.

Захлестнула как половодье огненное от края до края, и горят города словно муравьиные кучи в лесном пожарище. И накроет ли тот пожар Козельск али мимо прокатится — одному Господу Богу ведомо.

Из-за угла избы вылетел всадник. Лихо осадил коня, привстал на стремянах, вздел меч кверху...

ТЬФУ!

¹ *Изверг* — человек, живущий отдельно от общины и ведущий хозяйство самостоятельно (*старорусск.*).

² *Дикое поле* — историческое название степей между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны, с просторов которой на Русь совершали набеги кочевые племена.

Степан опустил топор.

Племяш в гости пожаловал! Удадь молодецкую девать некуда, мечом салютует, словно князю, что рать в поход собирает.

— Тимоха! Ну, напугал, чертяка!

Степан положил топор на завалинку, одним прыжком подскочил к коню и, схватив в охапку спешившегося родственника — даром что витязь в полной воинской сброе, — приподнял его над землей, словно отрока.

— Т-ты чего, дядька Степан?!

— Того! Думаешь, одному тебе удали молодецкой девать некуда?

Степан поставил слегка задохнувшегося от медвежьих объятий племянника на землю.

И у обоих рты до ушей. А как же иначе? Считаю, с осени друг друга не видели. Зимой на дальний дядькин хутор не шибко проберешься — заносы снежные, да и воевода Козельский строг к гридням¹, особо по гостям не разгуляешься. Спасибо, хоть сейчас отпустил витязя на побывку.

— Ну, здорово, племяш! Сказывай, какими ветрами к нам на высылки занесло?

— Здрав будь, дядя Степан, — выдохнул ратник. — Уффф! Кабы не латы, все ребра бы переломал! Ну и силища у тебя!

— На латы и рассчитывал, — хитро улыбнулся Степан. — Нешто мы печенег, чтобы свою родню увечить? Ты лучше сказывай, каким ветром тебя к нам занесло?

— Да вот, спросился у десятника родных навестить, — улыбнулся Тимоха. — Почитай, сто лет вас не видел!

— Ну, коли так, проходи в дом, — сказал Степан.

— Так это... Я тут смотрю чуток не ко времени пожаловал, — кивнул на отложенный топор витязь.

¹ *Гридень* — воин княжеской дружины (старорусск.).

— Ради такого дела забор подождет.

— Дядь Степан, так, может, я подсоблю?

— Подсобишь, подсобишь, а как же, — хмыкнул Степан. — А то в детинце¹ топорами да секирами за зиму не намахался. Пошли в дом. И не прекословь, когда старшие родственники говорят!

— Как прикажешь, дядь Степан, — покорился Тимоха. — Только дозвожь сначала коня искупать.

— Это можно, — согласился Степан. — Первую воинскую заповедь ты хорошо усвоил — сперва конь да оружие, а опосля все остальное. Дорогу к речке не забыл пооди?

— Не забыл. Я мигом!

— погоди, вместе пойдем, — сказал Степан, направляясь к конюшне. — Я своего Бурку заседлаю, застоялся за зиму, пусть разомнется. До реки вскачь кто кого обгонит не забойшься с дядькой помериться, как когда-то?

— А то! — расплылся в улыбке витязь.

Степан улыбнулся в ответ.

— Да и сами искупаемся. Водица хоть еще и холодна, да целебна. Кто ранней весной в реке купается, от того весь год болезни бегут как черт от ладана.

Из конюшни послышалось ржание. Заслышав шаги хозяина, конь подал голос — мол, здесь я, про меня не забудьте!

Степан открыл скрипучую дверь и вывел рослого гнедого зверя. С первого взгляда ясно было — не крестьянская это кляча, а настоящий боевой конь с широкими бабками и породистой головой, красиво посаженной на мощную шею.

Увидев гридня, Бурка вытянул шею и, тонко заржав,

¹ *Детинец* — название внутренней крепости в русском средневековом городе, в которой могли находиться казармы княжеской дружины и тренировочные полигоны. Часто в самом детинце строилась и резиденция князя (*старорусск.*).

ткнулся мягкими губами парню в ладони — мол, где угощение-то?

— Узнал, — хмыкнул Степан, накидывая седло на широкую спину коня. — Чисто собака какая. Только что хвостом не виляет и кости не грызет.

— Ох ты, батюшки, забыл совсем, — спохватился Тимоха, развязывая седельную суму и доставая оттуда объемистый узелок и пряник. — Вот гостинцы вам. И тебе, — сказал он, протягивая пряник коню. Бурка угощение схрумкал мгновенно, после чего кивнул головой — спасибо, мол, старый знакомец, уважил.

Степан же возмутился.

— Ты что, племяш, удумал? Али решил, что ежели живем на отшибе, так нам и гостя накормить нечем?

— Да бог с тобой, дядя Степан, — улыбнулся ратник. — Это ж пряники. Таких пряников, как в Козельске пекут, во всей округе не сыщешь. Вон, Бурка особо не артачился, знает, что вкуснее козельских пряников не сыщешь.

— Ну, положим, моя Дарьюшка печет не хуже, — проворчал Степан. — Но все равно спасибо. Пускай куда на завалинке полежат — вернемся с речки, под медовуху разберемся с твоими гостинцами.

Ребенок при виде отца и дяди выпростал ручонки из холстины, замахал ими и радостно засмеялся.

— Ишь ты, дядьку признал! — удивился Степан, кладя узелок с пряниками рядом с сыном.

На голос ребенка обернулась молодая женщина, до этого настолько увлеченная своим огородом, что ни топота копыт, ни разговора мужчин не услышала. Поднялась с колен, отряхнула подол, подошла, но стала в сторонке — негоже бабе первой в мужской разговор вступать.

Степан спрятал улыбку в бороде. Ладная у него жена. Послушная да работающая, к тому же еще и красавица, каких поискать.

— Дарьюшка, забирай дитё, гостинцы и приготовь-ка

нам чего-нить пожевать, — сказал Степан ласково. — Да и выпить бы ради такого случая не грех.

Женщина улыбнулась.

И у нее муж справный, хоть и строгий. А главное — любимый. Тряхнула мужниным подарком — тяжелыми серебряными серьгами с изображением Лады-роженицы¹, улыбнулась озорно, поклонилась витязю.

— Здрав будь, боярин! То-то я смотрю, кто это такой бравый да статный к нам приехал. А как вымахал за зиму-то!

Гридень, даром что с виду лихой вояка, в шишаке да в полном воинском доспехе, вздетом скорее для виду, нежели для дела — не биться ведь в дом родственника собрался, а в гости — покраснел как мальчишка и опустил глаза.

— Да будет тебе, тётъ Дарья. Какой из меня боярин?

Однако родственница не угомонилась, продолжая сверкать белозубой улыбкой, от которой пару лет назад сходили с ума все козельские щеголи. И не от них ли подале увез дядька Степан красу-девицу молодую жену в чисто поле за три дня езды от стен родного града?

— А какая ж я тебе тётя, коли всего на две весны тебя старше?

Неизвестно с чего это вдруг, но стало витязю жарко под доспехом, хоть и не травень-месяц² на дворе.

Неловкой сцене конец положил Степан.

— Дарья! Иди в дом, говорю! Совсем парня засмушала.

Молодая женщина вздрогнула и засуетилась, поняв, что в веселье своем слегка переборщила:

— Сейчас, Степушка, я уж, почитай, в огороде закончила. Только рогожку заберу. А щи-то в печи горячие,

¹ *Лада* — древнеславянская покровительница брака, семьи, любви, веселья, в данном случае отголосок языческих традиций христианской Руси.

² *Травень* — май (*старорусск.*).

вы уж там поскорее. Ты ж знаешь, мне стол собрать что тебе топором махнуть.

Степан кивнул, и, держа коней под узцы, мужчины направились по едва заметной тропинке к утопанной широкой дороге, ведущей к реке.

— Дядя Степан, а чего вы на отшибе живете? — спросил витязь, скорее для того, чтобы порушить неловкое молчание. Суров дядька Степан, ох, суров. Нелегко небось приходится молодой жене. Однако, несмотря на суровость, заметил племянник, как одно лишь мгновение смотрели друг на друга Степан и Дарья. Лишь мгновение — а понятно все, и слов не надо. Любовь — она лишних слов не требует.

— Ведь Дикое поле рядом, — продолжал мысль гридень, — рукой подать. А там и Орда не за горами. Не дай бог нагрянет...

Степан усмехнулся невесело:

— И что?

— Как что? Ну, в городе за стенами все ж спокойнее...

Степан вздохнул, отгоняя воспоминания. Вновь занял длинный старый шрам на шее — память о Калкереке¹, с коей немногие домой вернулись. А не вернулось — без счета.

— Знаешь, племяш, подальше от людей да князей — оно поспокойнее будет, — ответил он. — Да и уберегли ли нычне твои стены от Орды Владимир-град, а до того Московию с Рязанью?

— Так-то оно так, — понурился витязь, сжимая кулак в усиленной железом боевой рукавице. — Эх, если б князя в свое время одним кулаком

¹ Битва объединенного войска русских князей и половцев с Ордой на реке Калке произошла в 1223 году и окончилась полным разгромом русско-половецкого войска из-за отсутствия единого командования среди княжеских войска, а также по вине половцев, в панике опрокинувших русский строй.

ударили, мы б, глядишь, ту Орду еще на Калке-реке побили.

Степан снова хмыкнул:

— Вы б побили. Ты, поди, в то время лихое еще под стол пешком ходил... Но в одном ты прав. Кулак — оно завсегда лучше. В кулаке сила, в единстве. А когда каждый палец в свою сторону кажет, такие пальцы переломать ой как просто...

Дарья медленно свернула рогожу, разрывая извечную связь двух рожениц — женщины и матери-земли, и мысленно поблагодарила живую почву — и за прошлые урожаи, и за тот, что она их семье нынче дать собирается. После чего подняла глаза.

Ее мужчина удалялся, ведя неторопливую беседу с родственником. Хорошая примета глядеть вслед любимому, даже если уходит он ненадолго. Тогда не забудет он никогда тех, кто ждет его дома, и завсегда дойдет до того места, куда собирался пойти...

Сзади слышался топот копыт. Кого это еще Господь послал? Что за день, гости один за другим?..

Дарья обернулась — и даже не успела удивиться странным гостям с одинаковыми плоскими лицами и раскосыми глазами, одетым в длиннополые доспехи, напоминающие халаты.

Она и боли-то не почувствовала от стрелы, клюнувшей ее в грудь. Лишь мысль прилетела: «Вороги напали! Сын...» — прилетела и оборвалась вместе с криком, лишь на четверть выкриченным, да двумя другими стрелами оборванным.

Дарья против воли медленно опустилась на колени. Бежать хотелось — к сыну, к мужу, спасти, предупредить! — а силы как-то сразу оставили. И с последним вздохом светлая душа женщины взлетела вверх, в свой последний путь, а тело, смятая тростниковые древки ордынских стрел, вновь обнялось с землей — теперь уж в вечной, неразрывной связи...

Степан обернулся. Последний крик жены не звуком — сердцем почувствовал.

И увидел.

Мимо его дома пронеслась огромная тень. Взлетела, опустила плеть с железным шаром на конце, с завадки на узелок с пряниками плеснуло красным.

Степан глухо взревел и бросился вперед — смять, задушить, разорвать на части!..

Но сзади на спину навалилось тяжелое.

Степан потерял равновесие и упал лицом в грязь. Тело в полном доспехе — все ж нелегкая ноша, как ни крути.

— На коней, дядя Степан! Быстро, пока не замети-ли! — прошипел племянник на ухо родственнику, придавливая к земле, вминая в грязь лицо вместе с ревом медвежьим, рвущимся из груди. Степан напрягся, отжал руками тело от земли, сплюнул в рот набившееся, выдавил из себя не крик — хрип.

— Там Дарьюшка!.. Сын!..

Меч с шипением покинул ножны. Выхватывать ору-жие ратников учили из любого положения.

Почувствовав слабину, Степан рванулся из захвата.

— Т-ты! Там мои...

Яблоко меча¹ жестко опустилось на его затылок, и Степан снова ткнулся лицом в грязь.

— Ты еще отомстишь за них, дядька Степан, — приговаривал Тимоха, взваливая на Бурку бесчувственное тело его хозяина. — Надо люд в Козельске предупредить. А опосля вместе воздадим супостатам стóрицей!

Вскочив на своего коня, ратник рванул с места в галоп, уводя в поводу Бурку, который даже не успел удивиться — с чего это вдруг хозяин оказался у него на спине в странном положении — на животе, а руки с ногами под подпругой ремнем перехвачены.

¹ *Яблоко меча* — округлое навершие на конце рукояти европейского и русского меча, служащее противовесом клинку.

Кони удалялись. А вслед за ними черными клубами стелился дым от горящего хутора, сослуживший беглецам хорошую службу, прикрыв их от взглядов воинов в длиннополых доспехах, ликовавших по поводу своей легкой и страшной победы.

* * *

Крепки и высоки козельские стены, сложенные из стволов вековых деревьев. Сработаны добротнo, на века, в три бревна, каждое бревно в два обхвата, поверху полати¹, над полатями — двускатная крыша в два тёса от непогоды, но пуще — от стрел, летящих навесом. На такой стене и ратникам в бою есть где развернуться и даже всаднику проехать можно, ежели кому блажь такая в голову придет. Сплошной деревянный тын² защищает воинов от вражеских стрел. Посредине каждой стены и по углам — сторожевые башни с бойницами. На каждой стене по два-три крепостных самострела³ ошетились жалами больших стрел — болтов — с наконечниками впятеро тяжелее обычных. Всех трудов воину только подбежать да тетиву взвести — и готов непрошеному гостю смертельный гостинец. Такая стрела, пущенная умелой рукой, прошибает насквозь всадника вместе с конем и еще наполовину своей длины в землю уходит.

¹ *Полати* — здесь проход вдоль *тына* с внутренней стороны крепостной стены (*старорусск.*).

² *Тын* — забор из вертикально укрепленных, иногда заостренных бревен.

³ *Крепостной самострел* — русский аналог европейской баллисты, широко распространенный на Руси в X—XV веках, но почему-то слабо отраженный в исторических исследованиях, как и обычный самострел — аналог европейского арбалета.

Под стенами — глубокий ров. Через ров перекинут тяжелый подъемный мост на цепях, которые накрути на вóрот, стоящий внутри крепости — и станет поднятый мост лишним щитом для мощных дубовых ворот, которые сейчас открыты нараспашку. Однако у железного вóрота, поднимающего мост и одновременно запирающего ворота, постоянно дежурят оружные отроки¹ из детинца — мало ли что? Беда из Степи приходит всегда неожиданно...

Хорошо защищен град Козельск — да оно и понятно. Выстроенная на границе с Диким Полем крепость, охраняющая торговый путь, по которому и в мирное, и в военное время в обе стороны идут караваны с товарами, не может быть иной. Так говорилось половцам, с которыми до поры в мире были, когда те вопрошали — не от нас ли обороняться собираетесь? На самом же деле не для охраны торгового тракта и не для обороны купцов от половецких шаек строили эдакую твердыню.

Козельск — русский щит от Дикого Поля, который еще Степью порой называют. Случись серьезный набег — первый удар примет на себя город Козельск. Оттого и детинец внутри города велик, поболее, чем в той же Рязани. И каждый житель города с малолетства к воинскому делу приучен. Не с мечом — так с луком, копьем или с самострелом искусен. Даже старый дед Евсей, который уж забыл давно, сколько весен на свете прожил, — и тот засапожный нож за три сажени² в яблоко всадить может.

Да только говорят, нынче набег другим путем пошел. Гуляет по Руси горе невиданное — степная Орда, сметая

¹ *Отрок* — младший княжеский дружинник (*старорусск.*).

² *Сажень* — древняя (прямая) сажень определялась расстоянием между большими пальцами разведенных в сторону рук человека и была равна примерно 152 см. В 1835 году указом Николая I длина сажени стала равна 7 английским футам (2,1336 м).

все на пути своем. В Козельске же не то что верных вестей — слухов, и тех не дождешься. Потому как часто некому те слухи принести. Не щадит Орда на своем пути никого, кто меч против них поднял. А нынче вся Русь и есть тот меч, который Орда грызет неистово железной пастью. И серьезные щербины уже на том мече, того и гляди — переломится.

Но пока все тихо в приграничном городе-крепости. Жизнь идет своим чередом. Стучат в кузницах кузнецы, бабы вон за водой направились с коромыслами, детишки босоногие из стылой грязи куличи лепят, воевода на коне проехал, спешился, домой к себе пошел. Не в броне¹ воевода, только с мечом у пояса. Но на то ж он и воевода, чтобы с мечом ходить, звание обязывает. А что не в броне — то хорошо. Стало быть, ничего подозрительного на пять верст в округе не видят на башнях дозорные. Тихое утро.

Видный светловолосый молодец в потертом тулупчике вышел из кузницы, внимательно рассматривая новый охотничий нож. Знатный нож, ничего не скажешь. Кузнец Иван других и не делает. За такой не жалко бобровой шкурки отдать.

Парень провел лезвием поверх руки, сдул сбритые волоски. Эх, хороша работа! Такой нож не сразу затупится и не сломается об медвежью кость, случись с Хозяином Леса накоротке переведаться.

Молодец нехотя спрятал новое приобретение за голенище сапога и поднял глаза. На его лице расплылась радостная улыбка.

По улице шла девица-краса в нарядном полушубке, неся на расписном коромысле небольшие ведра с водой. И лесному ежу понятно, что вроде как незачем воеводи-

¹ *Броня, бронь, сбруя* — так на Руси назывался боевой доспех воина.

ной дочке по воду ходить, на то дворня есть. Но в тереме скучно, а у колодца все козельские девки собираются посплетничать. Так как тут дома усидеть? Да и по дороге туда-обратно сколько ж парней по пути встречается. Улыбаются, подмигивают, жаль только, подойти боится. Строг воевода козельский, и кулак у него как помойная бадья. Даже бить не надо, просто опустит на темечко — и осядешь на землю, словно куль с навозом, мозги свои непутевые в весенней грязище искать.

Но парень, видать, попался отчаянный, и воеводиного гнева особо не опасался. Рванув с места, он в два прыжка догнал девушку и, пристроившись сбоку, пошел рядом.

— Помочь, Настасьюшка?

Девушка улыбнулась и опустила глаза.

— Благодарствую, Никита, сама уж как-нибудь. До дома, почитай, пара шагов осталась.

Действительно, до ворот воеводиного подворья осталось совсем немного. Парень, которого девушка назвала Никитой, наклонился к ее уху и горячо зашептал:

— Настасьюшка, я тут это... Ежели сватов зашлю? Пойдешь за меня?

Лицо девушки залилось румянцем, словно маков цвет. Качнулись ведра на коромысле, плеснув студеной водой на шествующего через улицу важного петуха, отчего тот, подпрыгнув и издав глоткой что-то совсем непетушиное, припустил вдоль улицы.

— Да что ты, Никитка, ей-богу!

Девушка ускорила шаг и гибкой лаской юркнула в ворота. Однако через мгновение из-за полуоткрытой створки показалась розовая мордашка, с которой и не думал сходить румянец.

— А и зашли, — бросила Настя скороговоркой. — Ежели батюшка не воспрепятствует, тогда может быть...

Не договорив, исчезла. Захлопнулись тяжелые створки, лязгнула заворина¹.

Никита сорвал с головы шапку, метнул под ноги в лужу воды, выплеснутой из Настиного ведра, и прошелся вокруг той лужи вприсядку.

— А зашлю! — вскричал. Наплевать, что народ кругом — пушчай слышат! Вдруг не откажет Настин баяшка! Вдруг повезет несказанно!

Однако народу, похоже, было не до Никиты. Знакомый ярмарочный шут Васька, шедший мимо, услышав Никитов вопль, вместо того, чтоб подколоть жениха подружески весело да с прибауткой, лишь буркнул на ходу сквозь зубы «здорово, Никита» и быстро прошел мимо.

— «Вдруг» — оно ничего не бывает, парень, — послышалось за спиной.

Никита обернулся.

Сзади стоял дед Евсей. Мужик в прошлом разбитной, лихой вояка из княжьей дружины, однако выпертый оттуда воеводой за пристрастие к хмельной медовухе, что с ратной наукой есть вещь ну никак не совместная. Однако, несмотря на грехи молодости, еще многое что мог дед Евсей показать юным гридням... когда не был налит до бесчувствия напитком, погубившим некогда его ратную карьеру. Сейчас дед Евсей тоже был слегка навеселе, но на ногах держался крепко.

— Об чем ты, дядька Евсей? — спросил Никита, наморщив лоб.

— Да все об том же, — вздохнул дед, наклоняясь и выуживая из лужи Никитину шапку.

— Ладно тебе, дядька Евсей, — засмутился Никита. — Благодарствую, я уж сам как-нибудь...

— Вот то-то и оно, что как-нибудь, — снова вздохнул

¹ *Заворина* — засов (старорусск.).

дед, отжимая шапку и протягивая ее парню. — Все в этой лядашей жизни как-нибудь да через одно место.

Сказал — и, плюнув смачно под ноги, с душой втер лаптем в землю выплюнутое. На Никиту дохнуло густым перегаром.

Никита поморщился, но послать старого человека нехорошим словом подальше было неловко. Потому Никита, соблюдая приличия, повторил:

— Ты об чем толкуешь-то, дядька Евсей?

— Об свадьбе твоей, — глухо сказал Евсей, отворачиваясь. — Которой не будет. Ты уж крепись, парень.

— Как так «не будет»? — выдохнул Никита, теряя терпение. — Да ты...

— Твой брат старшой к ее батьке уже сегодня с утра пораньше сам вперед своих сватов в дом пожаловал. Сейчас, поди, уже воеводу дождался. Небось сидят, договариваются.

Лицо Никиты окаменело.

— Семен??? Как???

Старик сделал шаг и положил на плечи парня руки, похожие на узловатые корни деревьев.

— Вот так, — сказал жестко. — И полную шапку серебряных гривен в приданое дает.

У Никиты подкосились ноги. Словно под весом тяжелых стариковских ладоней парень медленно осел на землю. И прошептал растерянно, еле слышно:

— Дядька Евсей, так что ж мне делать-то теперь? Мне ж без нее не жить!

Широкая ладонь, рассеченная надвое старым шрамом, неумело погладила парня по непослушным вихрам.

— Да не убивайся ты так, Никитка, — сказал Евсей, другой ладонью согнав с ресницы непрошеную соринку, от которой в глазу зашипало. — Баб на земле — как зерен в амбаре. Опоздал ты маленько, поздно с охоты нынче вернулся. Да, кстати, ты ж вроде как из охотников в ратники податься собирался? Вот князь наш ма-

лый Василий подрастет, в поход соберется. К тому времени и ты, глядишь, в детинце ратному делу обучишься. Вернешься с походу в сброе, при коне, да в переметных сумках серебро звякать будет, а не ветер свистеть — вот тады и жениться можно.

Никита вскочил на ноги. Ударил в голову пьяняще-красная волна, застив взор, метнулась к голенищу ладонь, словно сам собой оказался в руке новый нож.

— Я ее сейчас люблю! Да я Семена за это...!!! О-ох!!!

Никита захлебнулся криком и вторично осел на землю. А пьяненький дед присел рядом, уложив свою слово-деревянную руку парню на плечо. Понятно, что, дернись — прижмет та рука шею вторично, а с нею и ярость безрассудную обратно в печенку загонит.

— Не гоношись, парень, — строго сказал дед Евсей. — Дай слово, что бузить боле не будешь, тады нож отдам.

Никита кивнул, принял обратно свой нож, неведомо каким образом оказавшийся у деда в руке, засунул его за голенище и насупил, едва сдерживая предательские ребячьи слезы, недостойные взрослого и многоопытного охотника, коему уже без малого восемнадцать весен минуло.

— Кулаками здесь вряд ли делу поможешь, — продолжал дед Евсей. — А на всякую силу другая сила найдет, посильнее. Ты люби, люби. А еще лучше поплачь. Так оно скорее перелюбится. Только не на людях плачь, а домой иди. Негоже будущему ратнику при всем честном народе слезьми заливаться. Сам дойдешь, дурить не будешь?

Никита кивнул вторично.

— Ну и ладно, — сказал дед Евсей, вставая. — Ежели бы ты знал, сколь раз я за свою жизнь вот так по бабе убивался — подивился б изрядно. Но попомни мои слова — от такого горя первейшее средство — моченое яблочко и жбан медовухи. Причем яблочко — продукт не-

существенный, ежели и нету его — и так ладно. Но вот без остального — никак нельзя...

Никита не слушая шел... по дороге ли, не по дороге — какая разница? Лишь бы подальше от занудного, не по возрасту сноровистого деда и от запертых ворот, за которыми сейчас творилось невыносимое...

На другой стороне улицы распахнулась дверь большой, добротной сложенной кузни. Из широкого дверного проема на улицу дохнуло жаром. Вместе с жаром наружу шагнул бородатый мужик, под плечи которого, вероятно, тот проем и рубился — в иной ему бы боком входить пришлось. Следом за кузнецом выволокся слегка задохнувшийся и оттого бледный с лица подмастерье, плечами и статью наставника не догнавший, но бородою отравивший уже на треть длины бороды учителя.

Кузнец вдохнул-выдохнул пару раз, словно кузнечные мехи прокачал легкие, выгоняя накопившуюся в них угольную пыль. Мимо него, чуть не задев бородача плечом, прошел Никита, ничего не видя перед собой. Кузнец посторонился, пропуская парня, и еще некоторое время смотрел ему в спину, морща лоб и покусывая нижнюю губу.

— Ох, не дело затеял воевода дочку супротив воли за постылого выдавать, — глухо сказал он наконец. — Да и Никита того и гляди руки на себя наложит.

Подмастерье пожал плечами.

— Дык на то он и воевода, дядька Иван. Абы кого княжьим пестуном¹ не поставят. Нам-то что — мы люди маленькие.

Кузнец медленно обернулся, посмотрел на подмастерье задумчиво, после чего отвесил ему увесистый подзатыльник ладонью, твердостью от железа почти неотличимой.

— Понимал бы чего, недоросль! — резко выплюнул

¹ *Пестун* — учитель (*старорусск.*).